

А.И. Попов. С.Н. Хомченко
Казанская губерния в 1812-1814 гг. в мемуарах военнопленных
Великой армии Наполеона

// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 20.
№3(2) (83). 2018. С. 399-406

К теме военнопленных наполеоновской армии в Казанской губернии и к оставленным ими воспоминаниям мы уже обращались в одной из наших ранних работ.¹ Однако тогда объем статьи не позволил обратить внимание на все подробности общественной жизни в этом регионе глазами попавших сюда иностранцев, да и список известных нам мемуаристов, побывавших здесь, несколько расширился. Ныне нам известны 7 таких воспоминаний, где описывается Казанская губерния. Три офицера и два солдата проходили через нее – это капитан 125-го линейного полка голландец Карл Вагевир (в сентябре 1813 и июле 1814 гг.), су-лейтенант французского 36-го линейного полка Онорэ де Белэ (в октябре-ноябре 1813 и сентябре 1814 гг.), капитан французского 2-го конно-егерского полка Пьер Ноказ (в октябре 1814 г.), капрал баварского 5-го шволежерского полка Бютнер (конец 1812 г.) и фурьер французского 8-го гусарского полка Франсуа Бринкан (февраль-март 1814 г.). Французский хирург из 34-й пехотной дивизии Дезире Фюзейе проживал в Казанской губернии с ноября 1813 по июнь 1814 гг. Отдельно следует назвать книгу барона Ш.П.А. де Бургоэна, который в беллетристической форме описал пребывание в 1813-1814 гг. в Казани своего брата, французского капитана барона А.М.Ж. де Бургоэна, адъютанта маршала Нея.²

Первым по времени прибытия в Казанскую губернию из этих мемуаристов был баварский капрал Бютнер. В 1812 г. зима наступила рано, был сильный холод, а снег падал так сильно и сопровождался такой сильной бурей, что вскоре поля были засыпаны им на несколько футов в высоту. Двигавшиеся при такой погоде пленные через несколько часов были уже не в состоянии идти пешком и их везли на санях, но и так многие не спасались от обморожений. Те, кто не мог двигаться дальше, оставались в деревнях, и больше об их судьбе ничего не было слышно. Сильнее всего страдали лица, уши и носы и их обматывали различными тряпками, только глаза выглядывали наружу.

Наконец, прибыли в губернский город Казань. К этому времени у Бютнера были обморожены по колено ноги. Увидев это, хозяин квартиры, черемисский крестьянин, немедленно принес кучу снега и поместил в нее ноги баварца. Через полчаса тот почувствовал в них боль, но ноги потеплели и таким образом были спасены. Крестьянин вынес снег и приготовил Бютнеру место для отдыха. Продремав несколько часов, мемуарист почувствовал сильный голод и стал размышлять, как получить немного еды. Узнав, что неподалеку живет один

немец, Бютнер отправился к нему и получил в подарок немного денег, рубаху и штаны, а также был накормлен горячей пищей. Сердечно поблагодарив соплеменника, баварец вернулся в свою квартиру. После двух дней отдыха партия пленных отправилась в дальнейший путь.³

Голландский капитан Карл Вагевир был в Казани проездом с 1 по 10 сентября 1813. Казань он описал как третий после Москвы и Петербурга город империи с 46-48 тысячами жителей, среди которых много немцев. Город делился на русскую часть, находящуюся в укреплении, и татарскую, вытянутую вдоль Волги. В городе много каменных зданий. Большое значение имели различные религии, в первую очередь магометанская. Мемуарист насчитал здесь пятьдесят семь церквей различных конфессий, а в лютеранской даже побывал на богослужении, проводившемся на немецком языке.

Его поселили в доме бедной женщины, которая не имела ничего, кроме голых стен и пауков. Отправившись искать, где бы починить ботинки, Вагевир вскоре познакомился с сапожником-немцем, который пригласил его в дом и стал расспрашивать, откуда он и где попал в плен. Узнав, что гость голландец, хозяин познакомил его со своей женой, угостил стаканом водки с хлебом и маслом и взял ботинки для починки. На следующий день Вагевир вернулся за ботинками и был встречен с такой же сердечностью. Сапожник отказался брать деньги за работу и пригласил посещать его ежедневно.

В один из дней новый приятель пригласил Вагевира на городскую площадь, поприсутствовать при наказании преступников, уличенных в изготовлении фальшивых ценных бумаг. Голландец увидел находящуюся на земле крестовину из толстых бревен, по центру которой находился вертикальный плоский брус в рост человека с выемкой для головы наверху. К сооружению подвели преступника с обнаженным торсом и привязали к брусу, так что его подбородок лежал поверху, а веревка, продетая через специальные кольца внизу крестовины, прижимала к нему шею. Руки обнимали брус и были привязаны к продетым через кольца веревкам, которые удерживались двумя помощниками, чтобы спина преступника была напряжена. Ноги также были привязаны к стойке. Палач был высоким и сильным мускулистым мужчиной с длинной бородой; его одеяние состояло из белой блузы с нашитыми на нее крестами и звездочками и белого колпака на голове, который он не снимал во время экзекуции. Кнут представлял собой рукоять, частью деревянную, в два фута длиной, частью сплетенную из толстой кожи, так же в два фута длиной и в полдюйма толщиной, с прикрепленной к ней ударной частью. Палач начал раз в три-четыре минуты наносить кнутом удары от шеи до пояса преступника, перед каждым ударом наступая с четырех-пяти шагов, чтобы придать ему дополнительную силу. После трех-четырех ударов ударная часть менялась, а в спину преступника втирался мелкий порох, чтобы было видно, сколько ударов нанесено. Кнут разрывал кожу до мяса, и вскоре вся спина была покрыта

множеством пересекающихся кровавых дорожек. Когда было нанесено определенное количество ударов, наказуемого отвязали и посадили на землю. Два помощника схватили преступника за волосы и крепко удерживали его голову, пока палач приспособлением из острых стальных иголок наносил на лоб и щеки преступника буквы, втирая в эти раны порох, чтобы клейма были видны всю жизнь. Потом он с помощью специальных кусачек вырвал несчастному ноздри. Такой экзекуции была подвергнута целая семья из мужа, жены и их сына, только женщина избежала клеймения. После этого было объявлено об их пожизненной высылке в Сибирь. Не без содрогания Вагевир смотрел на это ужасное наказание, заключив, что русские все же остаются варварами, несмотря на то, что добрый император Александр старается искоренить эти жестокие традиции.⁴

29 октября 1813 в Казань прибыл французский су-лейтенант Онорэ де Белэ. Город он описал как значительный и прекрасный, с почти пятьюдесятью церквями, живописным Кремлем, увенчанным башней царицы Сююмбеки, многочисленными мостами через Казанку и Волгу, широкими улицами со множеством дворцов. Большинство строений было из дерева.

По прибытии в Казань французы встретили генерала Буайе, начальника штаба их 12-й пехотной дивизии, который уже жил в городе некоторое время. Офицеры 9-го корпуса посетили его; он встретил их очень сердечно и выдал некоторым патенты на присвоение воинского звания на поле сражения. На следующий день после этого визита генерал Буайе пригласил их на ужин и оказал великолепный прием.

Через три дня колонна пленных выступила дальше. Оставив на жительство в уездном Лаишеве девять французских офицеров, подошли к переправе через Каму. Стало холодать, течением по реке несло огромные льдины и надо было переправляться в ненадежных лодках, подвергая себя опасности. Несколько лодок перевернулось, но сам Белэ отделался только испугом.⁵

Больше всего сведений о Казанской губернии, её городах и образе жизни населения оставил французский хирург Дезире Фюзейе, проживший здесь полгода.

23 ноября 1813 партия пленных, в которой находился Фюзейе, по пути в Казань прибыла в Чебоксары. Этот город, расположенный на правом берегу Волги, оказался богат и неплохо построен. В нем было десять красивых, в основном деревянных церквей и даже маленький кремль.

26 ноября в Свияжске встретили отряд рекрутов. Мемуарист сообщил, что набираются они преимущественно из крепостных крестьян, причем помещики сами определяли, кого отдадут на службу, более всего стараясь избавиться от негодных. За таковыми посредине ночи приходили в дома гарнизонные солдаты и заковывали тем ноги. Тогда мать, жена или сестра будущего солдата запевала мрачную песню, сопровождающуюся рыданиями других женщин, и

новобранца провожали до края деревни, чтобы посадить на телегу или в сани. Призывников отвозили в губернский город, снимали оковы, стригли бороду и переодевали. С этого момента они переставали быть рабами.

27 ноября партия подошла к Волге, через которую предстояло переправиться. Река стала еще не полностью, у берегов она уже замерзла, а посредине с устрашающим грохотом неслись льдины. Пленных и их вещи по очереди перевозили на двух лодках. Когда дошел черед Фюзейе, с ними поплыл русский сержант. Выбравшись на середину реки, лодка оказалась окружена льдинами, которые бились о ее борта и грозили перевернуть. Сержант громко молился, французы хранили гробовое молчание, гибель казалась неминуемой, даже лодочники бормотали: «*Moui-propali*». Наконец одна из льдин оттеснила лодку к противоположному берегу и под крики русских: «*Slava bogou!* Мы спасены!», высадились на берег. Согревшись у костра, отправились в ближайшую деревню и после нескольких стаканов вина по обыкновению улеглись спать на полу.

28 ноября, перейдя речку Казанку, пленные вошли в Казань, прекрасный и значительный город. Здесь их в первую очередь поразил необычайно красивый трехэтажный рынок, сложенный из кирпича, но еще не достроенный до конца. За Кремлем, окруженным стеной, виднелся артиллерийский склад и арсенал. Внутри находилась богато разукрашенная церковь с часами, что являлось большой редкостью, рядом – дом архиепископа и императорский университет. Всего в городе насчитывалось 55-60 церквей, не считая мусульманских мечетей. Имелась и лютеранская церковь для немцев. Вверх от рынка поднималась красивая мощеная улица с рядами домов. Тут же стояло великолепное кирпичное здание винного магазина.

Очень красивым оказался и двухэтажный особняк губернатора, татарина, весьма расположенного к французам. Перед домом у него был сад, окруженный изгородью в человеческий рост, выкрашенной в зеленый цвет. Посредине сада у пруда находился павильон. В саду отмечались национальные праздники. Также у губернатора обратил на себя внимание карлик приблизительно двадцати восьми лет, рост у которого был не более трех футов.

Некоторые улицы Казани напоминали немецкие города, на других дома отличались весьма грубой постройкой. Все улицы были прямыми, как стрелы. Имелся и театр, где часто давали спектакли. Французов туда привело любопытство, так как здание это возвышалось на вершине холма. Но внутри оно оказалось отделано очень просто, да и приезжающие сюда московские актеры не шли в сравнение с немецкими или французскими. Только один оркестр показался пленным достойным внимания. В городе имелось несколько ресторанов с высокими ценами, но с плохим обслуживанием.

В Казани проживало много иностранцев – французов, итальянцев, немцев. Из соотечественников пленным удалось встретиться с банкиром Бюттелем, а также уже упоминаемым генералом Буайе.

Так как размещены пленные были не в самой Казани, а в пригороде, так называемой татарской слободе (tatarcki sloboda) в лье от города, отдельное внимание мемуарист уделил татарам. Татары составляли треть населения города, в котором имелось около двадцати мечетей. Это были приветливые, предупредительные люди, хотя и обманывали. Они очень трудолюбивы, среди них много торговцев, но мало ремесленников. Татары коротко стригли волосы и носили тюбетейки, расшитые золотыми блестками или серебряной тесьмой. Признаком богатства считались разноцветные туфли.

Они очень любят сладости, часто пьют чай, а также едят конину, и только по этой причине у русских к ним отвращение. Татары почти никогда не пьют спиртного. Каждое утро, в полдень и вечером они совершали молитвы, читая на коврике коран. Почти все они умели читать, писать и считать. В отличие от русских, татары не суеверны и не наивны. С разрешения мулл они могли иметь столько жен, сколько им позволяло их благосостояние, причем между этими женщинами царило наилучшее понимание и согласие.

Через три недели прибывших пленных разделили на четыре отряда и распределили в четыре уездных города: Ядрин, Тетюши, Мамадыш и Спасск. Фюзейе с еще восемью офицерами и тремя солдатами, взятыми в качестве поваров и прислуги, достался Спасск. 17 декабря выступили из Казани и заночевали в Лаишево, красивом городке на берегу Камы, где встретили ранее расквартированных французов. 18 декабря в очень сильный мороз выехали дальше. Ведший сани крестьянин, заметив, что у пленных начинают отмерзать носы, уши и щеки, посоветовал им набрать снега и как следует растереть лица.

В тот же день прибыли в Спасск. Город располагался на берегу маленькой речки Спасевы, впадающей в Волгу в двух лье от Спасска. Между городом и Волгой находилась огромная равнина, каждый год затапливаемая тающими снегами. В июне, когда Спасева возвращалась в свое русло, на ней устанавливали мост на фашинах. До этого времени можно было пересечь реку только на лодке.

Спасск в плане представлял собой квадрат. Со стороны реки стоял особняк управляющего соляным рудником и несколько частных домов. С противоположной стороны находилась тюрьма, единственное в городе кирпичное здание, и многочисленные сараи. С третьей стороны, обращенной к деревянной церкви, стоял дом городничего. Четвертую образовывали два ряда домов местной знати, в том числе самого богатого человека в городе господина Глазатова, коменданта гарнизона, помощника городничего Федора Ивановича и хирурга Кирилла. Прибывая в Спасск со стороны Казани, нужно было сначала пройти через дворянский квартал мимо соляного склада и церкви. Далее

тянулась длинная улица, пересекаемая переулками, ведущими к реке с одной стороны и к полям с другой. В одном из переулков находились водочный склад, кабак и маленькая часовня. На реке имелась водяная мельница. Длинная улица заканчивалась плохими домами и выходила на дорогу в Тетюши. Здесь, на берегу речки, располагались магазины с мукой. Мука предназначалась для отправки в армию или в другие губернии, где урожай был менее обилен. Еще одна дорога вела в Щербет, на ней было кладбище с еще одной часовней. Всего в городе насчитывалось около четырехсот домов, население преимущественно русское. Здесь жила только одна татарская семья, а так же несколько калмыков и башкир.

Гарнизон города составляли сорок солдат с унтер-офицерами во главе с начальником. Под командой городничего были чиновники и полицейские, так же он ведал сбором налогов.

Базар бывал раз в неделю – по воскресеньям. Спасск процветал благодаря торговле мукой и рыбой. Со всей округи сюда также свозили холст, мед, воск. Мед стоил сорок копеек или восемь су за фунт. Все эти товары развозили по воде в другие города. Осенью сюда стаями набегали зайцы, которых ловили сетками. Зимой они были белые, а летом – серые. Русские зайцев не ели. Их продавали пленным по пятаку за разделанного или за три пятака в шкурке. Утки, дикие гуси, бекасы, дрозды, синицы и множество других птиц слетались в эти места после таяния снегов. По словам Фюзейе, это был бы прекрасный край, если бы только зима была здесь покороче и не столь сурова. Товары тут недороги, а земля очень плодородна.

По прибытии пленных в Спасск городничего на месте не оказалось. Его помощник расселил французов в трех квартирах на краю города в бедном квартале. В домах, где их разместили, дважды в день сходились на кормежку свиньи, куры и коровы. В этих хижинах пленные страдали от невыносимой жары и зловония. Свиньи и поросята спали вперемешку с ними на полу в комнате, а куры – под печкой. Между тем хозяева-крепостные производили впечатление вполне человеколюбивых людей. Они все время повторяли, что пленным должны расселить в лучших жилищах.

Французы нетерпеливо ожидали отсутствующего городничего. Однажды они познакомились с уездным исправником, отставным полковником. Тот пригласил их в гости и усадил завтракать, хорошо угостив рыбными пирогами и водкой. Вскоре офицеров зазвал к себе командир гарнизона, познакомивший их со своим зятем, господином Глазатовым. Дом его отличался простотой, однако ради офицеров подали множество угощений, что их несколько смутило.

Как только местные дворяне прослышали о том, что пленные побывали у исправника, командира гарнизона и у Глазатова, они принялись наперебой приглашать их к себе в гости. Всякий раз французов заставляли отведать множество крепких настоек, хлеба, иногда жареную курицу или какую-нибудь

другую птицу или дичь, поданную на тарелках. На стол подавались серый хлеб, две салфетки, чтобы вытирать пальцы, железные вилки с ножами, два больших графина с настойками и один стакан: это угощение ставили на маленький столик. Среди прочих посетили и местного хирурга, который также желал их увидеть. Он показал свою библиотеку, которая содержала некоторые написанные на латинском языке труды по медицине, и вообще оказал хороший прием.

Через две недели, в первые дни января, возвратился городничий, который встретил пленных неплохо, хотя холодно. Его стали умолять распорядиться подыскать жилье получше, так как двое офицеров уже серьезно заболели. Не понимая по-французски, городничий все же догадался, чего от него хотят, и позвал десятника, приказав ему переселить пленных в лучшие дома. Десятник ответил, что не знает, где найти дома лучше, после чего городничий схватил его за бороду и избил. Окровавленный десятник отвел пленным три новые комнаты, не намного отличавшиеся от предыдущих. Жалея его, офицеры не пошли вновь жаловаться, а через месяц сняли жилье за свой счет. Жили они дружно, и каждый вечер у них было заведено собираться вместе. Всегда и во всем, даже если их приглашали в гости, французы были неразлучны. За это их уважали и крепостные, и вольные, и при встрече с ними почтительно кланялись. Дворяне, чье уважение также удалось снискать, не раз приглашали их в свое общество.

В феврале наступили сильные холода, мороз достигал 32-33 градусов, холода ослабели только к концу марта. Но гулять по городу было еще невозможно. Фюзейе вспомнил, что у местного хирурга видел несколько трудов по медицине, и попросил их почитать. Тот грубо отказал. После этого француз принял решение бесплатно лечить всех нуждающихся, и ни разу не пожалел об этом. После того, как были вылечены несколько больных, страдающих офтальмией и язвой, французский врач приобрел столь широкую известность, что к нему начали приезжать больные не только из Казанской, но и из соседней Симбирской губернии. Здешние жители никогда не слышали имени Дезире и по их просьбе Фюзейе согласился зваться Иваном Ивановичем, все знали его под этим именем. По воскресеньям приток больных был так велик, что до полудня у него не было времени, чтобы позавтракать. Каждый день, с пяти утра до восьми вечера, Фюзейе делал перевязки, потом выписывал рецепты для отправки их в Казань, потому что ближе фармацевта не было. Городничий не позволял пленному удаляться на большие расстояния, но ему все же удавалось уезжать иной раз за 25-30 лье, в таких случаях за ним высылали экипаж или кого-нибудь верхом на лошади. Но позже городничий стал менее строг и закрывал глаза на эти отлучки, так как по его просьбе хирург вылечил его сына, который чуть было не потерял зрение.

Дворяне также приглашали его к себе, предлагая навсегда остаться здесь и обещая скорое обогащение. Француз скромно благодарил, но твердо показывал желание вернуться домой. К этому времени Фюзейе начал понемногу избавляться от нужды. Несмотря на его твердое намерение не брать никакой платы за лечение, крестьяне несли ему яйца, масло, мед, уток, гусей, кур, которыми он делился с товарищами. Мещане приносили холст, муку и т. д., а дворяне платили деньги. Он ничего не хотел брать, но помещики советовали ему не отказываться от подношений, так как люди были недовольны отказами, полагая, что врач не хочет их лечить.

Фюзейе постоянно звал к себе и часто болеющий хозяин винного склада. Поскольку он получал московские газеты, то заодно приглашал почитать их. Если француз что-то недопонимал, он терпеливо разъяснял. В этом доме его всегда хорошо принимали. Как только приходили газеты, за ним посылали сани или дрожки, а если было очень холодно, слуга приносил их к нему домой. Эти знаки привязанности и дружеского расположения служили пленному большим утешением в скорбные дни. В первых числах мая в Спаске узнали о вступлении русских войск в Париж и скором возвращении пленных на родину. Радость возвращения омрачалась болью, которую французам причинило взятие их столицы и крушение империи.

18 июня в полдень Фюзейе позвали к одному из дворян, у которого заболела мать. В это время пришли газеты и ему сразу же прочитали о приезде во Францию Людовика XVIII. Но в газетах ничего не было о возвращении пленных. Между тем они знали, что их товарищи из Симбирска уже выехали. Так как почту привозили только по субботам, ничего не оставалось, как ждать еще неделю, и хирург возвратился домой грустный. После обеда на перевязку пришел сын городничего, у которого давно болели глаза. Он пообещал по возвращении домой узнать все у отца. Французы легли подремать, но скоро Фюзейе разбудили с сообщением от городничего, что тот получил приказ отослать пленных в Казань. Француз от радости испустил громкий вопль, из его глаз полились слезы, а его разбуженные товарищи пустились плясать, прыгать и обниматься. Нацепив на длинные палки шапки они тут же, распевая во все горло, отправились во второй дом, где жила другая группа пленных. Собравшись вместе, все отправились к городничему, чтобы поблагодарить его за хорошие новости. Тот зачитал им соответствующий указ императора Александра, а Фюзейе как всегда служил переводчиком. После этого хирург от лица всех французов поблагодарил городничего за заботу о них за время плена, сказав, что своим вниманием он облегчил им тягость тоски, и просил передать всем жителям, что они будут вечно признательны за уважение, с которым с ними обходились, а городничий обнял всех по очереди.

После пунша и чая французы разошлись по домам, договорившись вечером устроить большой праздник. Накупив пива, сахара и водки, на закате накрыли

во дворе стол и стали водить вокруг него хороводы, распевая и крича: «Да здравствует Франция! Да здравствует Россия!». Жители Спасска и близлежащих деревень сбежались на шум, вскоре вся улица заполнилась народом. Обывателей беспокоила водка, целое ведро которой французы налили в большой таз и подожгли, чтобы изготовить жженку. Все опасались пожара, но в этот вечер не было ни малейшего ветерка, небо было спокойно и без единого облачка. К французам присоединились дворяне, а обыватели заполнили соседние крыши. Пленные пели песни своей родины, а дворяне их всячески подбадривали. Хозяин винного склада отозвал Фюзейе в сторону и еще раз предложил остаться, на что тот ответил: «Как вы можете мне это предлагать, видя, с какой радостью мы возвращаемся к нашим семьям?».

Миновала полночь и захмелевшие дворяне, пригласив офицеров назавтра в гости, стали разъезжаться по домам. Вечер закончился тем, что французы отправились гулять по городу и обошли все улицы, распевая подходящие случаю куплеты. Наконец, не будучи уже в состоянии ни говорить, ни двигаться, устав от танцев и крика, они улеглись спать.

На следующее утро, 19 июня, главной заботой было выпечь хлеба и закупить на рынке все, что могло потребоваться в пути до Казани. Сразу после обеда были нанесены последние визиты, начиная с самых почетных людей города. Накануне все очень устали, но, следуя традиции, пришлось отведать немало крепких напитков, поэтому спать легли рано.

Наконец, 20 июня, занялись укладыванием скудного имущества. Городничий и хозяин винного склада прислали за Фюзейе человека, чтобы пригласить на завтрак. Их основным намерением было удержать его в этих местах, но усилия их были тщетны, француз даже не слушал их предложений и обещаний. Тем не менее они дружески обняли его.

К 10 часам прибыли экипажи, пленные погрузили свои вещи и двинулись к Казани. Огромная толпа сбежалась посмотреть на их отъезд. Особенно Фюзейе не мог распрощаться с помещиком из деревни Куралово (Couralles), которого звали Виктор Турчанинов (Turgchaninove). Хирург часто бывал в его доме из-за его больной супруги и навсегда запомнил, с каким почетом его там принимали. При расставании помещик проливал слезы, а его сын, ровесник Фюзейе, провожал бы его до Казани, если бы его не заставили вернуться. Не без удовольствия французы могли считать, что им, судя по отчетам расквартированных в других губерниях пленных, посчастливилось жить в одном из лучших районов России.

В деревне Ямкино (Joukino) по дороге в Казань произошел конфликт с одной крестьянкой. Французы купили у нее молоко и просили дать кувшин из-под него, обещая вернуть после обеда. Та отказала, мотивируя это тем, что французы не являются обычными людьми, так как они курят и с ними находятся собаки. Пришлось купить и кувшин. Поев, пленные стали звать

крестьянку, предлагая отдать ей кувшин, но когда та прибежала за ним, один из французов бросил его об землю и разбил.

В Казань вошли 22 июня. Здесь их задержали еще на неделю. В эти дни в городе шумно праздновали мир. Губернаторский сад был украшен иллюминацией, в павильоне был дан великолепный концерт. С утра орудийные залпы возвестили о начале празднества. Мир славили и в Кремле, и в церкви Казанской Божьей матери. Был приглашен местный гарнизон. Весь город сиял огнями. Губернатор дал обед воинским частям, командирскому составу и первым лицам города. Французы не могли шагу ступить, чтобы в ушах не звенело: «*Parisch vsiat*», «*Parisch propal*»! Впечатления от этого у них остались самые неприятные.

Немало французов и итальянцев дали согласие навсегда поселиться в Казанской губернии. Россия жаловала каждому такому солдату корову, дом, землю и жену. На десять лет их освобождали от уплаты налогов государству. Тех, кто пускался в торговлю, зачисляли в вольные. По словам Фюзейе, ко времени отбытия освобожденных пленных из Казани шестьдесят солдат и два-три офицера согласились поселиться в этих местах.

Всего из губернии освобождалось примерно 480 пленных, в том числе 50 офицеров. Их разделили на две равные группы. Партия, в которой находился Фюзейе, во главе с сопровождающим ее отставным майором Александром Овсянниковым, выступила из Казани в первые дни июля. Миновав множество татарских и чувашских селений, 15 июля въехали в Чебоксары. В этом городе было в изобилии земляники, малины и смородины. Здесь Фюзейе в последний раз искупался в Волге.⁶

В Казани провел свой плен французский капитан барон Арман де Бургоэн. В реальности он прибыл в сюда в декабре 1813 и был освобожден вместе с Фюзейе в июне-июле 1814. Книгу о его приключениях написал его брат барон Поль де Бургоэн, но настолько художественную, что достоверные сведения о плене в Казанской губернии можно получить, в основном, только из примечаний.

Перед вступлением в Казань нужно было пройти земли черемисов и чувашей, обычаи которых отличались от русских. В двадцати лье от Казани начинались земли татар. Собранные на этой земле разнообразные народы, говорящие на разных языках и по разному одетые, представляли странную смесь. Казань, как центр торговли, была еще более разнообразна. Здесь можно было увидеть купцов из Сибири и Крыма, турок, армян и жителей самых удаленных уголков Азии. Также в Казани французы встретили около тридцати персидских (на самом деле турецких) офицеров, плененных в недавнюю Русско-турецкую войну.

Казань считалась третьим городом России, положение ее живописно. Волга, самая большая река в Европе, протекает в полулье от города, рядом течет

Казанка, тоже довольно значительная река. Когда Волга выходила из берегов, что происходило каждый год при таянии снегов, вода подступала к пригородам, которые становились почти непроходимыми из-за большого количества покрывающей улицы грязи.

Некоторые дома в городе отличались элегантностью, но деревянные хижины, которые их окружали, были очень непрочны из-за отсутствия камней. Город изрезан оврагами, ничто здесь не регулировало перепадов высот и естественных складок местности. Улицы Казани не были не только вымощены, но даже не покрыты досками. С тех пор, как знаменитый бунтовщик Пугачев превратил часть города в прах, эти мостки так и не были восстановлены. Жители Казани укрылись от него в Кремле, войска императрицы освободили их. Казанцы еще помнили о страхе, который им внушил этот мятежный казак.

В Казани проживали русские и татары, но количество последних намного ниже и жили они в основном в пригородах. Татары были как правило высокими и крепкими, а их фигура имела особую статью. Они находчивы и предприимчивы, в Казани и других городах они делали то же, что евреи и армяне в других странах. Татары – магометане, но надевали тюрбан, только когда шли в мечеть, в остальное время у них на голове маленькая тубетейка, более или менее украшенная. У них несколько жен, которые являлись почти их рабынями, и на людях появлялись, только покрытые пеленой из плотной ткани, если только они не совсем старые или из низшего класса. Начало теплого сезона татары праздновали, собираясь на небольшой равнине около Казани, и проводили свои традиционные игры, напоминающие игры древности – бег, скачки или борьбу; один из их старейшин руководил всеми соревнованиями, судил их, а также назначал награды, которыми являлись разные медные предметы, платки, пояса и т.д.

Воспоминания о родине не оставляли Бургоэна ни на миг. Он написал несколько писем своей семье, но не был уверен в их доставке адресатам. Чтобы отвлечься, француз гулял по окрестностям Казани и рисовал местные пейзажи.

Казанский губернатор Мансуров был полон забот о пленных, его доброта смягчила их судьбу. Дом губернатора всегда был открыт для пленных офицеров, их здесь очень хорошо принимали, демонстрируя уважение и доброжелательность, что успокаивало их, не унижая. Все общество здесь говорило только на французском языке и можно было вообразить себя в центре Парижа. Эта иллюзия доставляла величайшее удовольствие, в общем, французы увезли неизгладимые воспоминания о приеме, который они получили в этом городе и никогда не забудут, что на другом конце Европы, в стране, с которой тогда воевали, они нашли друзей и утешение в беде.⁷

Французский гусар Франсуа Бринкан, находившийся в Казани проездом 16 дней в феврале-марте 1814 г., оставил в целом сумбурные и малодостоверные воспоминания, содержащие ряд грубых ошибок. Так, например, он сообщил,

что религия у татар католическая, все они с 16 до 45 лет являются казаками, и с разрешения императора имеют по семь жен, но в течение недели могут прикасаться только к одной, меняя их по субботам. Единственным мясом, которое они употребляют и считают лакомством, является молодая конина, которую едят наполовину сваренной. По мнению этого француза Казань стоит на реке Каме, отделяющей город от Азии, здесь хорошо развита торговля, а самым распространенным товаром являются поставляемые лапландцами (Laponiens) олени шкуры для изготовления зимней одежды и обуви.⁸

С 14 по 16 июля 1814 в Казани останавливался возвращающийся домой капитан Вагевир. Здесь на колесах повозки нужно было заменить железные шины, пострадавшие в пути от постоянных ударов. В Казани голландец не мог не посетить знакомого сапожника, застав того в добром здравии, и с удовольствием провел время в кругу его семьи. В одной из гостиниц удалось найти газеты на немецком и французском языках, которые подтвердили слухи о событиях в Европе, циркулирующие среди оренбургских помещиков, и усилили желание голландцев поскорее вернуться домой.⁹

В сентябре через Казанскую губернию, также из Оренбургской, проехал француз Белэ. Он, со своим товарищем и сопровождающим казаком, следовал по малонаселенной местности, лишь иногда встречая полукочевых жителей, у которых из еды почти ничего нельзя было приобрести. Тут французов потряс тот факт, что женщины здесь доили не только коров и коз, но и овец и кобылиц. Молоко последних они сливали в бурдюк и оставляли бродить. Таким образом, татары получали кумыс, довольно хмельной напиток, которым они частенько напивались допьяна, нарушая завет пророка.¹⁰

Французский капитан Пьер Ноказ по пути домой прибыл в Казань 25 октября 1814. Третий город России, построенный амфитеатром, он описал, как великолепный. Центральный квартал был полностью построен из камня или кирпича и заселен русскими. В остальной части города, деревянной, жили русские и татары. Красотой выделялись еще два квартала – Старый и Новый татарские, где живописный вид представляли элегантные мечети с высокими минаретами, а также греческие церкви. Казань пересекается рекой Казанкой, которая через шестьдесят верст впадает в Волгу. В городе не сохранилось татарских древностей, только в нескольких верстах от Казани виднелись развалины старого замка, бывшего прежде резиденцией казанских царей.

В Казани Ноказ познакомился с семьей французского эмигранта графа де Бособра, который хорошо встретил своего земляка и предложил остановиться у него. Графиня так же была очень любезна. Один из вечеров капитан провел у генерала Буайе, отметив, что тот оставался в России и хотел вступить в русскую службу. Мемуарист встретил в Казани еще несколько французов из пленных, которые оставались здесь в качестве учителей или прислуги. Отдельно Ноказ запомнил встречу с доктором Ф[унком], профессором

математики и физики в Казанском университете. Это был человек, преданный науке, очень образованный, он так же производил исследования древностей Казанского царства.

В эти дни умер Казанский губернатор Мансуров. Ноказ отметил, что тот был очень достойным человеком, сделавшим много хорошего французским офицерам.

1 ноября он продолжил свой путь.¹¹

Примечательно, что мемуары Ноказа, вышедшие в Париже в 1817 году, не остались незамеченными в Казани. Критически на эту книгу в 1818 отозвались «Казанские известия», опубликовав несколько выдержек из нее, в которых мемуарист некорректно высказывается в адрес провинциального русского общества. Мемуары вышли анонимно и автор заметки не мог упрекнуть в насмешках конкретного французского офицера, поэтому он закончил аннотацию напоминанием той истины, что право злословить предоставлено слабейшему.¹²

Военнопленные Великой армии оставили о себе в России и у себя о России неоднозначные впечатления. Хотелось бы завершить нашу работу одним из них. В 1813 один казанский острофлов сочинил следующее четверостишие:

Как в нынешню войну
Успехи переменны:
У Россов Галлы в полону,
А сими Россиянки пленны!!!¹³

¹ С.Н. Хомченко. Военнопленные армии Наполеона в Казанской губернии в 1812 - 1814 годах // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Материалы II Международной научной конференции. Можайск. 2008. С. 293-306.

² Wagevier C.J. Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in en torugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. Amsterdam. 1820; Belay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Paris. 1907; [Naucase] Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du cote de l'Asie. Paris. 1817; Bütner. Beschreibung der Schicksale und Leitung... Nürnberg. o. J.; Faits historiques et remarquables pendant la durée du service de Brinquant François // Revue de l'Institut Napoléon. № 175. 1997. P. 43-66; Fuzellier D. Journal de captivité en Russie. 1813-1814. Boulogne. 1991; Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. Paris. 1815; О. де Белэ. Воспоминания гренадера Великой армии // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806-1814. Мемуары. Исследования. СПб. 2012. С. 225-340. Сокращенный русский перевод мемуаров Фюзейе см.: Фюзейе Д. Дневник русского плена. 1813-1814 гг. // Лепта. 1992. № 3. С. 152-165.

³ Bütner. Op. cit. S. 19-20.

⁴ Wagevier. Op. cit. S. 107-114.

⁵ Belay. Op. cit. P. 122-123.

⁶ Fuzellier. Op. cit. P. 159, 162-177, 180-195.

⁷ Bourgoing. Op. cit. P. 181-185, 193, 273-275.

⁸ Brinquant. Op. cit. P. 57-58.

⁹ Wagevier. Op. cit. S. 159-160.

¹⁰ Belay. Op. cit. P. 177-178.

¹¹ [Naucase] Op. cit. P. 122-123, 202-204.

¹² Казанские известия. 1818. № 61.

¹³ Казанские известия. 1813. № 30.